

АКАДЕМИЯ НАУК РОССИИ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
академика Российской Академии наук
М. Н. БОГОЛЮБОВА

Вып. XXX
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ. ВОСТОЧНЫЙ ГИНДУКУШ

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»
1998

М. Вайнрайх

ЗВУКОВЫЕ ЗАПИСИ НА ЯЗЫКАХ ПАШТО И БЕЛУДЖСКОМ ИЗ АРХИВА ФОНОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ А. ДЕГЕНА

Научная запись устных текстов в исполнении носителя языка наряду с использованием письменных источников является важнейшей составной частью работы лингвиста. Материалы, записанные и обработанные ученым-лингвистом, позволяют сохранить те характерные особенности устной речи, диалектизмы, отдельные обороты и синтаксические построения, которые в письменных источниках вытесняются, как правило, формами в той или иной степени стандартизованного литературного языка.

Непосредственная запись на магнитофонную пленку устных текстов в исполнении носителей языка, ставшая сегодня обычным явлением, нашла применение в научной деятельности только с начала 50-х гг., когда магнитофоны промышленного производства вошли в обиход и сделали работу лингвиста менее трудоемкой и более точной.

Однако еще до изобретения магнитофонов в конце 20-х гг. в языковых исследованиях были применены звукозаписывающие и звуковоспроизводящие устройства. Для этой цели использовался, в частности, незамысловатый в обращении и достаточно легкий при транспортировке фонограф Эдисона¹.

В те времена, как известно, существовало и другое устройство для воспроизведения звука — граммофон, но оно считалось непригодным для лингвистических исследований подобного рода из-за весьма сложного процесса звукозаписи и несовершенного воспроизведения записанного.

Незадолго до первой мировой войны Альфред Деген, преподаватель одной из берлинских гимназий, увлеченный звукозаписывающей техникой, сконструировал транспортабельный аппарат для граммофонной звукозаписи. При этом он снабдил его дополнительной мембраной и таким образом существенно улучшил качество воспроизведения и записи звука, в результате чего появилась возможность использовать граммофонные пластинки в научных целях.

Вскоре после начала войны А. Дегену удалось, пользуясь поддержкой военного министерства, организовать Фонографическую комиссию, в задачи которой входило выявление среди военнопленных носителей всевозможных иностранных языков и диалектов для последующей записи на грамофонные пластинки текстов в их исполнении. Своей долговечностью и возможностью производства неограниченного числа копий усовершенствованное А. Дегеном грамофонное устройство намного превзошло использовавшийся до этого для научных записей восковой валик. Отдельные же неудобства, связанные с тем, что аппарат А. Дегена оставался еще довольно-таки громоздким и сложным в обслуживании, особо работу не затруднили, поскольку запись велась в стационарных условиях в лагерях военнопленных².

К работе в Фонографической комиссии были привлечены лучшие немецкие специалисты в области лингвистики. Деятельность ее осуществлялась следующим образом. Военное министерство непрерывно информировало Комиссию в Берлине о вновь поступивших в лагерь пленных, владеющих интересующими ее языками. Соответствующий специалист направлялся в указанный лагерь, где он проводил подготовительную беседу с кандидатурой для звукозаписи. Цель беседы заключалась, во-первых, в том, чтобы выбрать текст для записи. Обычно это была короткая сказка или песня по выбору рассказчика. Иногда информант просто произносил отдельные слова на родном языке. Во-вторых, на каждого информанта заполнялась анкета, где кроме номера пластинки и даты записи указывались его имя и фамилия, место рождения и происхождение, образование и профессия, а также краткие данные о его родителях. За этим следовала короткая проба записи и собственно запись, длившаяся обычно 8—11 минут, что составляет объем 2—3 пластинок. Функция привлеченных лингвистов заключалась в письменной фиксации устного текста, составлении его фонетической транскрипции и переводе на немецкий язык. По завершении работы все документы, включая фотографию информанта, и готовая грамофонная пластинка сдавались на хранение, а также для дальнейших исследований в архив Фонографической комиссии.

Таким образом, среди пластинок, находящихся в архиве, который часто называют по имени его основателя «дегеновским», оказалось 17 экземпляров с записями на языке пашто и 4 — на белуджском языке³.

Специалистом, отвечающим за язык пашто, был известный иранист профессор Ф. К. Андреас. Записи были произведены в мае, июне и декабре 1916 г. в лагере для военнопленных Вюнсдорф с двумя афганцами, состоявшими на службе в британской армии. Один из афганцев, Абд ал-Кадир-хан, рассказывает на пяти пластинках⁴, что составляет 15 минут, историю на момандском диалекте и поет четыре песни, записанные на отдельных пластинках по 2,5 минуты⁵. По мнению Ф. К. Андреаса, эти песни включают одну газель Науруза, одно рубай Сайид Мухаммада, одну газель и одно *чарбайта* Мухаммад ад-Дина Тилаи.

Другой паштун, некий Убайдаллах-хан, также на момандском диалекте рассказал короткую историю и спел шуточную песню *лоба* на

двух пластинок (2,5 и 3,5 минуты)⁶. В целом на языке пашто был записан прозаический текст на 19 минут и стихотворный — на 12 минут. К сожалению, ко всем этим пластинкам нет транскрипции и перевода. Можно предположить, что Ф. К. Андреас, всегда с особой тщательностью относившийся к интерпретации оригинальных текстов, вплоть до самой смерти так и не решился сдать обработанные им материалы в архив, поскольку, видимо, не считал работу над ними завершённой. И действительно, в каталоге архива Ф. К. Андреаса, хранящемся в библиотеке Геттингенского университета, под пунктом 176 значится: «Тексты звукозаписей военнопленных». Однако в 1936 г. все материалы были взяты из библиотеки В. Ленцем, и сейчас их судьба неизвестна⁷.

Запись белуджского языка производил в конце мая 1917 г. в лагере Вюнсдорф профессор Хоровиц. Информантом был выбран солдат британской армии Шахдад-хан, исполнивший одну песню (2,5 минуты, одна пластинка) и сказку (на трех пластинках по 2,5 минуты)⁸. Сделанные Хоровицем транскрипция и перевод прилагаются к звукозаписи. Однако в анкете белуджца не указано ничего, кроме его имени. Весьма возможно, что эта запись, в целом составляющая 10 минут, является первой по времени звуковой регистрацией белуджского языка.

Для того чтобы проиллюстрировать работу Комиссии, приведем здесь одну из белуджских песен (Р. К. 815), записанную и обработанную Хоровицем. Им были выполнены транскрипция песни и перевод ее на немецкий язык. Транскрипция оставлена нами без изменения, а немецкий текст песни мы дополнили переводом на русский язык.

G a z a l

Malik Mīrān Baloč Ḥān Kalāt

Allāh ke manā murge kan parre bāñzerān balī kan
 kōho kandaḡān ādem kan bargwar dērawā dōstegā
 mai dōste nišānī ēšen hīdmaško mazann malḡōrand
 bole kargazān dīwānand nindi mañ janāni jorā randi māfarān siyāh

hēnā

Gambīle musāḡān malliḥ

nindi kōfagā čappiya čāmpān zōr maddei tēzēnā jāna dōr maḡān

Lālera

šāḥo ta kethai dēhē murḡānai

šāḥo pagalē grē bīḥa Lahora tara murḡānā salām gōnan tuoñ

Rindāni gēštar pulgozeñ Malik Mīrāne

guhme gošten a murḡairā čamān grei kothā Lāleiḡān čamme

ritkawan zaḡ-reñ hōn

suhwī kafī jugguāñ kašī tawlahāñ guoñ bōañ parrānī sarā
 humboldkan

bāl dātha kafōta bittē

roče ke tara mai wāñ mai biḥ šāhiyeñ kafōt darsa hai

maiḡoñ jindawei dōzwahai gino har donani sāhe

Lied

des Malik Miran Baloc Han Kalat

Allah, mache mir einen Vogel, Flügel, Federn, laß [ihn] fliegen!
Bringe [ihn] jenseits des Gipfels des Berges, nimm [ihn] in das Haus der Freundin!

Das Zeichen meiner Freundin ist dieses: ein Mal [hat sie], die Haare sind schwarz.

Viele Frauen sind im Diwan, inmitten der Frauen sitzt sie, einen Knoten schwarzen Haares knüpft sie, mit dem Reibholz aus Ghambil reibt sie [die Zähne].

Setze dich auf die linke Schulter. Den Nagel mit Kraft, scharf setz nicht auf, meine Seele, Schmerz bereite nicht der Lal!

O Taube, aus welchem Land bist Du, Vogel?

Die Taube weinte sehr: ein Vogel aus der Gegend von Lahor [bin ich]. Grüße sind bei mir von vielen von Deinen wohlgekleideten Rind-Leuten des Malik Miran!

Als der Vogel sprach, weinte das Auge der Lal. Aus dem Auge tropfte rotes Blut.

Am Morgen ging sie ins Haus, nahm eine Tasche (?) in der Parfüm war und machte Flügel und Kopf wohlriechend.

Sie ließ die Taube fliegen, ließ sie los.

An den Tagen, an denen Du dich nach mir sehnst wirst, ist die herzige Taube fort.

Meine Freundin, meine Liebe bist Du. Wie die Kehle, so lieb bist Du mir.

Газель

Малика Мирана Балоча Хана Калата

Аллах, сотвори мне птицу, крылья, перья; дай [ей] взлететь!
Переправь [ее] на другую сторону горы, донеси [ее] до дома подруги!

Вот приметы моей подруги: родинка, черные волосы.

Много женщин собралось, и среди них сидит она, сплетает узел из черных волос, щеточкой из Гамбии трет [зубы?].

Сядь [ей] на левое плечо! Когти с силой резко не вонзай, душа моя, не причини боли моей Лал!

O голубь, из какого ты края, птица?

Голубь горько заплакал: Птица из окрестностей Лахора [я есмь], со мной приветы от многих из богато одетых *ринданов* Малика Мирана.

Только птица произнесла это, заплакала Лал. Из глаз ее закапала красная кровь.

Утром пришла она домой, взяла мешочек (?), в котором были ароматы, и надушила [птице] голову и крылья.

Она дала голубю взлететь, отпустила его.

В те дни, когда ты будешь скучать по мне, милый голубь будет далеко.

Моя подруга, ты любовь моя. Как жизнь ты дорога мне.

Аналогичным образом в 1914—1918 гг. было записано и обработано свыше 1500 пластинок. Фонографическая комиссия, присоединенная после окончания первой мировой войны сначала к Немецкой государственной библиотеке как отдел звукозаписей, а затем к Берлинскому университету в качестве самостоятельного института, продолжала до 1944 г. систематический сбор и обработку записей на разных языках и диалектах мира, собрав таким образом коллекцию из 3700 пластинок. На них было зарегистрировано свыше 250 языков и диалектов, в том числе и такие, которые ныне уже больше не существуют. После второй мировой войны архив был передан Институту фонетики при университете им. Гумбольдтов в Берлине. Сейчас это уникальное собрание находится в архиве Института музыковедения при том же университете, где оно заново каталогизируется и обрабатывается с тем, чтобы стать доступным широким научным кругам.

Примечания

1. Обширная коллекция восковых роликов с научными записями, содержащими музыку и тексты (бывший Берлинский фонографический архив), находится в Берлинском Этнографическом музее.

2. О немецких лагерях военнопленных во времена первой мировой войны см.: *Doegen W. Kriegsgefangene Völker. B., 1921.*

3. Архивные номера: Р. К. 232, 241—243, 262—264, 276, 277, 582—587, 620, 621. Однако Р. К. 232, 241—243, 620, 621 можно теперь найти только в общем списке. В самой коллекции недостает как анкет, так и самих пластинок.

4. Р. К. 262—264, 276, 277. Три первые части истории, по всей видимости, были записаны на Р. К. 241—243.

5. Р. К. 582, 583, 586, 587.

6. Р. К. 584, 585. Р. К. 584, 585.

7. По сообщению университетской библиотеки Геттингена, после войны профессор Ленц отправил вышеупомянутые материалы в Берлин, в Академию наук, где в конце 60-х гг. они были просмотрены доктором Зундерманом. Однако о местонахождении этих документов в настоящий момент ничего конкретного сказать нельзя.

8. Еще одна запись на белуджском языке — Р. К. 309 — также утеряна.

Summary

Matthias Weinreich Pashto and Balochi recordings in the archives of Doegen's Phonographic Commission. Among the gramophone recordings of oral texts in more than 250 languages and dialects made by Doegen's Phonographic Commission in 1914—1944 and being kept now in the Institute for Musical Science of the Humboldt-University in Berlin there are 11 records in Pashto and 4 records in Balochi with the specimens of folk-tales and songs which provide some new facts for the study of the historical development of these iranian languages.